

ЭССЕ О ВИНТОВКЕ

Если человека встречают по одежке, то охотника – по винтовке.

Финишная отделка винтовки Макинтайра под патрон .300 Winchester Magnum, которая была «состарена» компанией Artoxy Airbrush. Ствол и ствольная коробка стали «ржавыми» благодаря специальному оружейному покрытию DuraCoat, ложа выглядит как потрёпанный непогодой столб забора, а цвета прицела напоминают старые гильзы .22-го калибра

Подполковник Дж. С. Хетчер, эксперт по огнестрельному оружию 30-х годов прошлого века, писал: «Для всех американцев, в чьих жилах течёт настоящая кровь, винтовка – очень притягательное и романтическое оружие». Это звучало бы нелепо, если бы не казалось столь правдивым.

Я всегда ощущал присущую винтовкам притягательность с тех самых времен, когда сделал свой первый выстрел в возрасте четырёх или пяти лет. То был Remington 34, купленный моему отцу в возрасте четырнадцати лет за четырнадцать долларов (сейчас это почти \$250). Отца уже не стало, винтовка эта теперь принадлежит мне и когда-нибудь перейдет моему сыну. Но и по сей день стук загоняемых в трубчатый магазин пятнадцати патронов калибра .22 Long Rifle или клацанье хромированного затвора воскрешают в моей памяти всё. Побелевший гранит промоин в пустыне, звон жестяной банки, подброшенной выстрелом

в воздух, свист пули, отражённой рикошетом от камня, и медный блеск сотен стреляных гильз, разбросанных по скалистой почве, словно вкрапления руды, которые через некоторое время подёрнутся патиной. Обаяние этой и других винтовок, которое я пронёс через всю жизнь, естественным образом привели меня к изучению истории их создания и эволюции, даже если для обретения подлинных истоков приходилось обращаться к мистике или мифологии.

Говорят, что в своих поисках философского камня, способного превращать обычные металлы в благородные, и эликсира жизни, дарующего молодость и долголетие, алхимики нашли состав чёрного пороха, одного из двух или трёх самых значимых научных открытий в истории человечества. Хотя алхимики XIII в., такие как доктор Мирабилис и английский монах-францисканец Роджер Бэкон, записали формулой свои варианты состава, но использование чёрного пороха еще с IX в., начавшееся с фейерверков и приведшее к созданию огнестрельного оружия, приписывается китайцам.

Самое раннее огнестрельное оружие Запада (handgonnes) практически было чем-то вроде «самопалов», и его не следует путать с современным стрелковым оружием. Происхождение слова gun, по-видимому, связано с древнескандинавским женским именем, Gunnr, именем одной из валькирий, выбирающих, кому из воинов оставаться жить или пасть в бою, и уносящих их души в Валгаллу. Gunnr значит «война», а «самопалы» представляли собой небольшие пушки примерно

.70-го калибра, установленные на деревянные основания, служившие ложами.

Аркебузы с фитильным замком, наследники «самопалов», имели спусковые механизмы и первые приклады, позволявшие держать оружие двумя руками и как-то наводить его на цель. Затем, вероятнее всего, в конце XV в., появились первые прицелы. Они представляли собой сначала просто зубец, потом фиксированную мушку и целик, который позже сменился складывающимся вариантом. К концу XVI в. прицелы настолько доказали свою ценность, что опытный военачальник, Мориц, принц Оранский, постановил, чтобы всё оружие голландской армии было оснащено ими.

Изобретатель нарезков, а также причины их изобретения являются темами для острых дискуссий. В конце 1400-х годов венский оружейник Каспар Цёлльнер (Kaspar Zillner) – возможно, его имя звучало как Гаспар Колльнер (Gaspard Kollner), или даже как Гаспар Целлер (Gaspard Zeller) из Нюрнберга, или кто-то неизвестный из немецкого Аугсбурга,

изготовил первый известный в истории ствол с нарезами. Но ранние нарезки могли делаться не для тех целей баллистики, для чего, по нашему мнению, они служат сейчас. Сделанные Цёлльнером/Колльнером/Целлером нарезки представляли собой прямые поля и собственно нарезки. Почему прямые? По двум причинам. Одна – уменьшение загрязнения канала ствола (посторонние вещества предположительно должны были скапливаться в нарезах). Другая – предотвращение осадки круглой пули при проходе дульного среза и, соответственно, её непредсказуемого отклонения. Был еще один житель Нюрнберга, Аугустус Коттер (Augustus Kotter), кто примерно в 1520 г. первым свернул нарезку в спираль и тем самым заставил пули вращаться.

Винтовки с нарезами стали уже представлять интерес, по словам полковника Таунсенда Уэлена из самого журнала Sports Afield, «...поскольку теперь они могли точно стрелять». Точность потребовала прецизионного прицела. Поэтому где-то между 1835 и 1840 гг. некий американец изобрел

Blaser R8
www.blaser-r8.de
www.blaser.de

Новая эра охотничьего совершенства

АРСЕНАЛ
оружейный салон

Москва, 123557,
м. «1905 г.», м. «Белорусская»
ул. Пресненский Вал, 36,
тел. (499) 253-95-80, (499) 253-63-60,
оптовые продажи: (499) 340-48-06,
www.sniper.ru, info@sniper.ru

R8 Black Edition с дополнительными опциями

винтовочный прицел с оптическими линзами, основные принципы построения которого были изложены в 1844 г. английским гражданским инженером Джоном Рэтклифом Чэпменом в его книге: «Наставление молодому меткому стрелку во всём, что касается общего устройства, практического использования винтовки, причин и ответственности за ошибки в обеспечении технических характеристик её точности, а также теоретических принципов, при соблюдении которых такие характеристики точности реализуются, как показано на примере модернизированной американской винтовки». Сама книга не намного больше своего названия. На её страницах Чэпмен выражает сомнение в «укороченных» оптических прицелах, которые «использовались в течение некоторого времени», и утверждает, что «коль скоро речь идёт о наведении на цель, то телескоп (прицел), правильно изготовленный и установленный, ближе к совершенству, чем другие известные способы прицеливания». К 1855 г. Уильям Малкольм из Сиракуз, штат Нью-Йорк, впервые запустил в массовое производство такой трёхфутовый винтовочный прицел с ахроматическими линзами и заметно улучшенными внешними механизмами регулировки. Этот прицел обеспечивал 20-кратное и даже большее увеличение, став стандартом среди метких стрелков Федерации в период Гражданской войны.

Вторая половина XIX в., в стремительном ходе вещей и без какой-либо особой последовательности, охарактеризовалась пришествием патронов центрального боя, пуль с медной оболочкой, поворотнo-продольных скользящих затворов для металлических патронов, бездымного пороха и телескопических винтовочных прицелов с внутренними механизмами регулировки. Добавьте к этому современные металлические материалы, ламинированные и/или синтетические ложи, механическую обработку станками с ЧПУ и вы получите все элементы, необходимые для создания современной винтовки для охоты на крупную дичь.

История моего личного выбора винтовок со времён той самой Model 34 весьма обширная и многоплановая, причём что-то я уже и не помню.

Легенда гласит, что у моего отца, ещё до того, как я достиг канонического возраста «наступления юридической ответственности», и, определённо, за добрых десять лет до 1964 г., была классическая 70-я модель «винчестера» в калибре .30-06, которая, как вошло в поговорку, «сажала пулю в пулю». Я точно не знаю, что за оптика могла на ней стоять, но, вероятно, что-то вроде классического же

прицела Weaver K-4 или Lyman Alaskan. По каким-то причинам, известным только ему, отец продал винтовку ещё до того, как я узнал о её существовании – минуту молчания, пожалуйста! Вообще-то это может квалифицироваться как недвусмысленный акт жестокого обращения с детьми.

Немногие винтовки переходили по наследству в нашей семье, но для охоты на белых медведей отец купил модель Weatherby Mark V .300-го калибра, с которой я впервые пошёл на охоту и которую часто потом использовал. В 60-х годах в Южной Калифорнии фактически возник культ Weatherby. У компании был розничный магазин в Саут-Гейт, где головы африканских животных на стенах – импалы, бородавочника, и, конечно, слона – выглядели самыми экзотичными штуками в мире. Так что почти каждый охотник из Южной Калифорнии в те дни владел винтовкой Weatherby.

Потом у меня было много изделий Роя Уэзерби, с которыми я охотился, включая его собственные патроны, начиная с калибра .300 и заканчивая калибрами .257, .270, 7 mm, .340 и .416. Все оружие, за исключением винтовки калибра .340, сделанной на базе .300-й модели, после замены стволов, ложи и развёртки патронников у Роя Беде (Roy Bedeaux) из Альбукерка, штат Нью-Мексико, прошло путь отцовской винтовки Model 70.

Затем появились винтовки Ultra Light Arms, сделанные Мелом Форбсом. Мой самый дальний выстрел по дичи – китайскому голубому барану, во время охоты через широкую горную долину на высоте 15 000 футов (4575 м), был сделан из Model 24 ULA под .30-06, и я прикупил несколько винтовок ULA других калибров, чтобы, когда настанет время, они оказались под рукой.

Была у меня ещё одна винтовка, с которой я ни разу не охотился. Но мне всё ещё хотелось бы её иметь, хотя я и постыдно отказался от неё – это Enfield калибра .303, с распродажи армейских запасов, так называемый «карабин джунглей», с пламегасителем, спусковым крючком, смахивающим на кольцо консервной банки, и затворной группой типа засова на сарае во дворе. И не спрашивайте, почему я испытываю по ней ностальгию – ведь она могла бы оказаться идеальным оружием для грядущего зомби-апокалипсиса.

Моей основной африканской винтовкой является тридцатилетняя модель Remington Model 700 калибра... ну, конечно же, .375 N&N. Её ствол и ствольная коробка были подвергнуты паркеризации (фосфатированию), а заводская деревянная ложа заменена на синтетическую рельефную цвета хаки.

На винтовке с помощью QD-колец установлен прицел Leupold малой кратности, но открытые прицельные приспособления сохранены. С ней я добывал буйвола, гигантского иланда и даже дукера. Но самое любимое оружие для сафари – это винтовка Ruger No. 1 Tropical с оптическим прицелом, по заказу развёрнутая под калибр .450 (3 1/4) Nitro Express, она же – «штуцер для бедных» (если только сможете достаточно быстро её перезарядить), который имеет свою долю в буйволах, взятых с одного выстрела наповал.

Самая занятая, и, возможно, наиболее примечательная из всех моих винтовок – это .300 Winchester Magnum, ставшая скорее холстом, а не огнестрельным оружием. Однажды, увидев знаменитую розовую винтовку AR, созданную компанией

Armory Airbrush, я пришёл к ним со своей «трёхсотой» и тем самым обеспечил тамошним художникам очередной прилив вдохновения. Винтовка была вся «состарена»: ствол и ствольная коробка стали «ржавыми» (с помощью специального оружейного покрытия DuraCoat), синтетическая ложа выглядит теперь как потрёпанный непогодой столб забора, ну, а тени патины на прицеле напоминают о старых гильзах .22-го калибра.

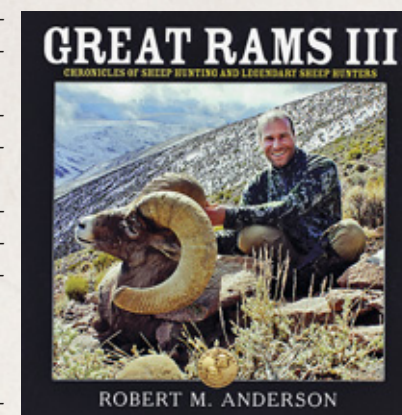
Человека встречают по одежке, а охотника – по винтовке. Сомневаетесь? Спросите лучше самого себя: если вы встретите в лесу охотника, то, скорее всего, разве же не тот, у которого будет самая поношенная и выдавшая виды винтовка, окажется и самым лучшим охотником из тех, с которыми вам приходилось когда-либо сталкиваться?

АЛЬМАНАХ SPORTS AFIELD

ЛУЧШИЕ ДИКИЕ БАРАНЫ – III

Эта большая многоцветная книга полна поразительно красивых цветных фотоснимков диких баранов и страны их обитания, которые, несомненно, выглядят столь аппетитно для любого охотника на горную дичь. Озаглавленная «Хроники охоты на диких баранов и легендарные охотники» (Chronicles of Sheep Hunting and Legendary Sheep Hunters), она содержит много интересного. Тут и рассказы о легендарных охотах и охотниках на диких баранов, и описания мест, где были добыты достопамятные трофеи и сосредотачивались усилия для сохранения дикой природы, а также и специальный подкадный обзор достижений прошлых и нынешних охотников на диких баранов.

Её автор Роберт Андерсон – историк охотников на диких баранов, около сорока лет собирающий фотографии и рассказы самых выдающихся охотников на диких баранов на континенте. Его первые две книги «Лучших диких баранов» были невероятно популярны, и этой, третьей, наверняка суждено стать очередным бестселлером. Элегантно отрекомендованная одним из обозревателей как «пиршество для глаза», книга эта содержит лучшие исторические и современные фотографии трофеев североамериканских диких баранов и охотников

на них, когда-либо собранных в одном месте. Там есть фотографии самых крупных когда-либо добытых особей из «Большого Шлема», некоторых из самых крупных экземпляров Скалистых гор и пустынных баранов, когда-либо сфотографированных, эксклюзивный взгляд на повествование пока ещё никому не известного властелина самого первого «Большого Шлема». И даже мистическая история об одиноком охотнике на диких баранов с Аляски, бесследно исчезнувшем после того, как он добыл свой трофей.

В других главах описывается история знаменитой коллекции трофеев диких баранов в ресторане, даётся обзор первых охот на диких баранов в регионе Нижняя Калифорния и тех поразительных трофеев, что были там добыты, а также подборка практически неизвестных фотографий трофея мирового рекорда – дикого барана Далла.

Ни один поклонник охоты на диких баранов не сможет отказаться просмотреть все 308 страниц этой превосходной книги. Отпечатано всего лишь 2000 экземпляров, и похоже, что они разойдутся быстро. В течение ограниченного времени вы можете заказать себе подписанный автором экземпляр от «Сафари Пресс»: www.safaripress.com.

– Диана Ратт